

Н. Н. ВОРОНИН

Политическая легенда в Киево-Печерском патерике

В „Слове о создании великой церкви Печерской“, составленном владимирским епископом Симоном и образующем обширное вступление к сложившемуся в середине XIII века Киево-Печерскому патерику, есть несколько мест, давно привлекавших внимание историков русского искусства.

Особый интерес в этом произведении представляет „Слово 4-е“ — „О пришествии писцев церковных“, — где мы находим рассказ о строительстве Мономахом и Юрием Долгоруким соборных храмов в Ростове и Суздале „в чин и в подобие“ великой Печерской церкви и в „ту же меру“. Рассказ этот входит в ткань повествования как бы случайно и неожиданно. Сообщив „чудесные“ обстоятельства прибытия в Киев греческих художников из „Константина-града“ и доведя рассказ до пострига и смерти „писцов“, Симон неожиданно возвращается к истории „дивного чудеса“, когда „святой же дух огнем невестственным яму ископа“ для фундамента храма. Оказывается, что свидетелем этого „чуда“ был князь Всеволод, приехавший сюда из Переяславля с юным Владимиром — будущим Мономахом. Последний был болен и тут же получил исцеление, будучи „обложен“ „золотым поясом“ варяга Шимона. В связи с этим и сообщается о позднейших событиях: „И во своемъ княжении христолюбець Владимир, вземъ меру божественна тоа церкви печерская, всемъ подобиемъ създа церковь в граде Ростове: в высоту, и в ширину, и в долготу, но и письма на хартии написавъ, идеже кийждо праздник в коемъ месте написан есть, — сия вся в чин и в подобие сотвори по образу великоа тоа церкви Богоназначенна. Сын же того Гюргий князь, слыша от отца Владимира еже о той церкви сотворися (т. е. рассказ о чудесах с постройкой Печерского собора, — *Н. В.*), и той во своемъ княжении създа церковь во граде Суздаде, в ту же меру. Яже по летех вся та (т. е. Суздальская церковь, — *Н. В.*) распадошася, сия же едина Богородичина (т. е. Печерская церковь, — *Н. В.*) пребывает в веки“.¹ Этот текст как бы заключает „Слово“, объясняя его смысл и цель.

Данный рассказ епископа Симона о сооружении храмов на северо-востоке по образцу („по образу“) Печерского собора не вызывал у исследователей сомнений в отношении его правдоподобности. Развитие древнерусского зодчества в русле изучения и переработки масте-

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 9. В варианте 1 Кассиановской редакции „Патерика“ вместо „вся та“ значитъ „ты“, т. е. „те обе (ростовская и суздальская) церкви“; также в Феодосиевской редакции: „все ты“, т. е. все те церкви „распадошася“ (стр. 235 и 254).

рами старых образцов было подтверждено изучением ряда памятников и показаниями позднейших источников;¹ тем более закономерно было обращение к образцу в раннюю пору истории русского зодчества — в XI—XII веках. Первый каменный собор в Суздале действительно был построен при Владимире Мономахе;² В Ростове же существует новый Успенский собор XVI—XVII веков, поставленный, как можно было думать, на древнем основании первоначального храма: он имеет необычный для XVI—XVII веков шестистолпный план, близкий по размерам Печерскому собору. Авторитет епископа Симона, видимо, хорошо знавшего прошлое своей епархии и ее главных храмов, также поднимал доверие к приведенному тексту. Этот текст и стал одним из основных аргументов в системе доказательства огромного значения киевского наследия в развитии культуры и искусства русских княжеств периода феодальной раздробленности. При этом руководящая роль Печерского собора как архитектурного „образца“ распространялась не только на Ростово-Суздальскую Русь, но и на другие княжества, в столицах которых создавались храмы, одноименные Печерскому собору, т. е. посвященные Успению богородицы.³ Действительно, по своему общему типу шестистолпного, трехапсидного храма эти постройки были сродни Печерскому собору, но лишь в самых общих чертах.

Весьма существенно, что сведения, сообщаемые епископом Симоном, не находят себе подтверждения в летописных источниках.

Относительно первого Суздальского собора в летописях нет современной и точной записи под определенным годом о его постройке Мономахом. Об этом мы узнаем лишь из позднейшего текста под 1222 годом о перестройке собора князем Юрием Всеволодовичем: „Великий князь Гюрги заложил церковь каменную святых Богородица в Суждали на первомь месте, заздрушив старое зданье, понеже учала бе рушиться старостью и верх ея впал бе; та бо церкы создана прадедом его Володимером Мономахом и блаженнымъ епископомъ Ефремом“.⁴ Таким образом, припоминание о постройке Мономаха попало в летопись лишь в связи с разрушением собора в 1222 году, причем, видимо, летописец уже не располагал данными о ее дате; ничего не говорит он и о печерском „образце“, но упоминает об участии в постройке епископа Ефрема. Существенно, что о нем умалчивает текст епископа Симона, назвавший к тому же в качестве строителя собора уже не Мономаха, а его сына Юрия, который был тогда еще маленьким мальчиком при пестуне Георгии Шимоновиче и являлся лишь номинальным князем Ростово-Суздальской земли; упоминание в тексте Симона о том, что суздальская церковь „распадошася“, позволяет датировать „Слово о создании церкви Печерской“ временем не ранее 1222 года и скорее после 1225 года — года окончания нового Суздальского собора, о котором Симон говорит: „юже сам създах“.⁵ Можно также сделать и обратное заключение, что внесение в летопись припоминания об основании Суздальского собора Мономахом было как-то связано с литературным

¹ Н. Н. Воронин. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, стр. 73 и сл.

² Лаврентьевская летопись, под 1222 г.

³ Н. Н. Воронин и М. К. Каргер. Архитектура. В кн.: История культуры древней Руси, т. II. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 268—269. — Н. Н. Воронин. Зодчество Киевской Руси. В кн.: История русского искусства, т. I. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 143 и 341—342.

⁴ Лаврентьевская летопись, под 1222 г.

⁵ Патерик, стр. 76. — История русской литературы, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 339.

трудом Симона, писавшего в это время свое панегирическое и насыщенное сплошными „чудесами“ „Слово“.

Благодаря раскопкам А. Д. Варганова и А. Ф. Дубынина мы получили возможность увидеть и изучить остатки Мономахова собора в Суздале.¹ Была вскрыта часть южной стены и юго-западного угла и часть южной апсиды. Собор был сложен в технике смешанной кладки из рядов камня и кирпича, характерной для зодчества Поднепровья XI века. В плане храм был шестистолпным, трехапсидным; в его западной части выделялся простенок нартекс. В общем тип здания был сходен с собором Печерского монастыря. Однако, вопреки показаниям епископа Симона, что собор в Суздале был построен „в ту же меру“, как и Печерский, Суздальский собор был гораздо меньше его. Внутренние размеры здания равны примерно 15 × 23.5 м, тогда как соответственные размеры Печерского собора равны 20.25 × 32.80 м. Таким образом, „образец“ последнего не был руководящим при постройке Суздальского храма, во всяком случае он был построен не „в ту же меру“. Если бы Симон имел в виду указать не на размеры, а на пропорции храма, то едва ли было бы столь точно разъяснено, что была взята „мера“ Печерской церкви „в высоту, и в ширину, и в долготу“. Следовательно, в рассказе епископа Симона о строительстве в Суздале на рубеже XI—XII веков налицо элемент нарочитого вымысла.

Относительно постройки Мономахом собора в Ростове рассказ епископа Симона совершенно одинок. Его не поддерживают ни прямо, ни косвенно ни летопись, ни другие источники. В летописи мы находим упоминание о Ростовском соборе лишь в связи с его пожаром в 1160 году. При этом оказывается, что это был монументальный деревянный, а не каменный храм. В Лаврентьевской летописи сообщается, что „того же лета погоре Ростов и церкы святое Богородице (сгоре) и яко же не было ни будеть“.² В Тверском летописном сборнике, использовавшем ростовский летописный материал, и позже в Воскресенской и Никоновской летописях и Степенной книге уточняется, что сгорела „церков дубовая... якова не бывала, потом таковой не бывати; а стоала та церковь 168 лет“,³ и что она была „чудна“.⁴ Постройка этой церкви связывается с легендарными ростовскими епископами Федором Гречином или Иларионом.⁵ В пергаменном прологе XIII—XIV веков находим указание, что епископ Леонтий был погребен в церкви Богородицы, которую якобы „создал прежде бывший его епископ“.⁶ А так как Леонтий и был в действительности первым ростовским епископом,⁷ то, видимо, „чудный“, рубленный из дуба соборный храм был построен им, т. е. не позже начала 70-х годов XI века. После пожара 1160 года на месте сгоревшей церкви князем Андреем Боголюбским в 1161—1162 годах был построен новый каменный храм.⁸ Подробности

¹ А. Д. Варганов. *Архитектурной истории Суздальского собора (XI—XVII вв.)*. КСИИМК, вып. XI, М.—Л., 1945, стр. 99 и сл.

² Лаврентьевская летопись, под 1160 г.

³ ПСРЛ, т. XV, стб. 230.

⁴ ПСРЛ, т. VII, стр. 313—314.

⁵ О происхождении легендарной версии о древности Ростовской епископии, отраженной в житии Леонтия епископа ростовского, см.: М. Д. Приселков. *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.* СПб., 1913, стр. 135—140.

⁶ А. Н. Насонов. „Русская земля“ и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 181, примеч. 1.

⁷ Патерик, стр. 76.

⁸ ПСРЛ, т. XV, стлб. 233—235.

о его постройке и открытии мощей епископа Леонтия сообщает его „Житие“, полное весьма реалистических деталей.¹ Поздние источники дополняют, что это была „первая каменная церковь в Ростове“.²

Наши раскопки, проведенные в 1954 году с целью поисков остатков первоначального здания в составе стен существующего собора XVI—XVII веков, показали,³ что сведения летописи оправдываются, версия же епископа Симона не подтверждается. Никаких следов кирпичного строительства времени Мономаха не было обнаружено. В основании стен существующего собора лежит белокаменная кладка собора 1161—1162 годов, типичная для памятников строительства 60-х годов XII века во Владимире и Боголюбове. Можно, следовательно, утверждать, что по крайней мере на данном месте никакого храма, построенного на рубеже XI—XII веков, не было. Мы не сомневаемся, однако, что его не было и вообще в Ростове: епископ Леонтий был погребен в деревянном соборном храме, что едва ли произошло бы, если бы в городе был каменный собор.⁴

Таким образом, рассказ епископа Симона о постройке в Ростове каменного собора Мономахом является целиком вымышленным. Однако этот вымысел разделяется и другим автором Патерика — Поликарпом, который сообщает, что был в Ростове, когда в 1204 году Ростовский собор рухнул, и что это, по его словам, была церковь, построенная Мономахом („юже сам созда, иже и донныне стоять, ей же аз самовидець бых“).⁵ Следовательно, перед нами определенная концепция, разделяемая обоими писателями — Симоном и Поликарпом.

Существенно также, что в летописной записи 1222 года рядом с именем Мономаха, строителя первого Суздальского собора, назван епископ Ефрем. Его имя всплывает ранее и в рассказе о сожжении Суздаля князем Олегом во время усобицы 1096 года: там упомянуто, что при пожаре уцелел лишь „двор монастырьский Печерьскаго монастыря и церкви яже тамо есть святаго Дмитрия, юже бе дал Ефрем и с селы“.⁶ Подразумевается, что церковь Дмитрия, построенная, вероятно, печерским выходцем и игуменом Димитриевского монастыря в Киеве, а затем преемником Леонтия на ростовской кафедре Исаией, после смерти последнего была передана епископом Ефремом вместе с его селами Печерскому подворью в Суздале. Очевидно, что к устройству церковных дел на северо-востоке имел отношение не только Печерский монастырь, давший сюда первых епископов — Леонтия и Исаию, но и епископ Ефрем. Кто был этот Ефрем? Епископ Симон в своем списке епископов — выходцев из Печерского монастыря — называет Ефрема переславского, известного по летописи, и Ефрема суздальского, летописью не отмеченного.⁷ В этом указании епископ Си-

¹ Житие св. Леонтия, епископа ростовского. М., 1893, стр. 7 и сл.

² Летопись о ростовских архиепях. СПб., 1890, стр. 1—2.

³ См. отчет о раскопках в Архиве ИИМК.

⁴ Любопытно, однако, что план Ростовского собора 1161—1162 годов, повторенный с некоторыми отступлениями планом существующего храма, близок по размерам собору Печерского монастыря и превосходил по величине Успенский собор во Владимире 1158—1161 годов. По словам жития Леонтия, заложенный над его гробом храм 1161 года был „мал“ и лишь по просьбе „людия“ Андрей распорядился увеличить его (Житие, стр. 7). Весьма вероятно, что стремление повторить в Ростове величие Печерского храма было связано с печерским происхождением „первого мученика“ Ростова и с задачей его церковного прославления.

⁵ Патерик, стр. 124.

⁶ Лаврентьевская летопись, под 1096 г.

⁷ Патерик, стр. 76.

мон снова одинок: владими́ро-суздальская епископия возникла лишь в 1214 году и первым епископом здесь был сам Симон, конечно, знавший, что раньше епископии в Суздале не было. Приведенные упоминания летописи о епископе Ефреме под 1096 и 1222 годами относятся исследователями к Ефрему переславскому.¹ Это — крупная фигура церковной истории второй половины XI века. Выходец из феодальных верхов („каженик некто от княжа дому“), постриженный в 1061 году в Печерском монастыре, Ефрем переславский был одним из первых „сановитых“ монахов, способных возглавить новые епископии; он ездил в Константинополь для ознакомления с византийскими монастырями и стал епископом вотчины Всеволода и Мономаха — Переслава Русского, где и прославился необычайной любовью к строительству.² Ефрем, как полагают, совмещал управление переславской и ростовской епархиями после смерти ростовского епископа Исаяи.³ Возможно, что сведения о его причастности к истории северной вотчины мономашичей и церковному строительству здесь были почерпнуты из Летописца Переслава Русского, который вновь привлекался владимирским летописцем при составлении великокняжеского свода князя Юрия 1228 года.⁴ Существенно, что Лаврентьевская летопись сохранила и наиболее полное и обстоятельное описание строительства Ефрема в Переславе Русском.⁵ Весьма вероятно, что и строителями Суздальского собора были мастера, отстраивавшие епископскую резиденцию Ефрема в Переславе.

В чем же все-таки причины упоминания Симоном еще епископа Ефрема суздальского? Вряд ли можно согласиться с мнением М. Д. Приселкова, что кратковременное „слияние“ переславской и ростовской епископий под управлением Ефрема „было необычным уже для XIII в.“ и что поэтому Симон „двоит переславского епископа Ефрема“.⁶ Этот „второй“ Ефрем в списке иерархов у Симона имеет ближайшее отношение к выясненной выше тенденциозной попытке изобразить строительство первых храмов на северо-востоке в связи с исполненной „чудес“ Печерской лаврой и образом „богознаменной“ Печерской „великой церкви“. „Слово“ о ее постройке было составлено Симоном с нарочитой целью прославить Печерский монастырь. Как Симон, так и Поликарп „поддерживали культ своего монастыря, утверждая его общерусское значение, всячески рекламировали авторитет его магических сил и с особенной настойчивостью напоминали о славном прошлом своего монастыря в XI и в первой половине XII в. Этот героический период... связывался в сознании писателей первой четверти XIII в. с воспоминаниями о былом могуществе всего Киевского государства, которое теперь силой истории уступило свое место Владими́ро-Суздальской Руси“.⁷ Владимирские преемники Мономаха Андрей Боголюбский и

¹ Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отд. 1, Указатель лиц, СПб., 1898, стр. 326. — П. Строев. Списки иерархов... СПб., 1877, стлб. 329, 651. — Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, М., 1901, стр. 339, примеч. 2. — М. Д. Приселков. Очерки..., стр. 291—292.

² М. Д. Приселков. Очерки..., стр. 173—175, 203. — Анализ летописных сведений о переславском строительстве епископа Ефрема и данные о раскопках собора Михаила см.: М. К. Каргер. Памятники древнерусского зодчества в Переяслав-Хмельницком. В кн.: Зодчество Украины. Киев, 1954, стр. 272—282.

³ М. Д. Приселков. Очерки..., стр. 291—292.

⁴ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 89.

⁵ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 29.

⁶ М. Д. Приселков. Очерки..., стр. 292.

⁷ История русской литературы, т. I, стр. 338.

Всеволод III, упорно борющийся за гегемонию своей Владимирской державы в разорванной на феодальные княжества Русской земле, потратили немало сил на создание и церковного приоритета русского северо-востока. Создание культа Владимирской иконы богородицы, учреждение без санкции высшей духовной власти владимирского праздника Покрова богородицы,¹ открытие мощей ростовского епископа Леонтия — „первого мученика“, павшего в борьбе с язычниками, связанная с попыткой его канонизации легенда об учреждении ростовской епархии самим цареградским патриархом в конце X века;² другой — уже чисто политический — миф об основании Владимира на Клязьме до Мономаха — Владимиром Святославичем,³ — все эти церковно-политические мероприятия, направленные на аргументацию законности притязаний Севера на автокефальную епископию сопровождалась широким строительством многочисленных, пышно украшенных белокаменных храмов, большой и сложной литературной работой. Эти церковные мотивы пронизывали владимирское летописание XII века.⁴ Было создано (до 1165 года) „Сказание о чудесах“ Владимирской иконы⁵ и цикл церковно-служебных произведений, связанных с праздником Покрова (60-е годы); наконец, между 1164—1174 годами оформляется житие епископа Леонтия.⁶ Возвышение авторитета владимирской церкви имело немаловажное значение и для укрепления позиций церкви как крупнейшего феодала в ее столкновениях с княжеской властью, которая в скором времени покусилась на епископские владения (секуляризация князем Ярославом имений ростовского епископа Кирилла). Епископ Симон в своей литературной работе продолжает эту же линию. Он не только патриот Печерского монастыря. „Святительства нашего власть сам веси, — пишет он Поликарпу. — Кто не весть мене, грешнаго епископа Симона, и сиа съборныа церкви красоты Владимирьския и другиа Суждаляския церькви, юже сам създах? Колико имеа градов и сел, и десятину събирають по всей земли той! И тем всем владееть наша худость...“⁷ Симон, притворно унижаясь, гордится экономическим могуществом владимирской епископии. Но за этими прозаическими эмоциями крупнейшего духовного феодала сквозит и искренняя патриотическая гордость новой северной родиной, ее богатством и многолюдством, художественным совершенством созданных владимирскими каменосецами храмов. Симон стремится увеличить их культовую значимость, показать святость их красоты, идеалом которой являются в его сознании здания Печерского монастыря. Так складывается определенная церковно-историческая и религиозно-эстетическая концепция Симона о „чуде“ с исцелением Владимира Мономаха и о постройке им соборов Суздаля и Ростова „по образу и подобию“ великой Печерской церкви. Это переносило ореол славы и величия киевской святыни на храмы Севера, поднимало

¹ Сергей. Андрей юродивый и праздник Покрова. М., 1896. — А. М. Остроумов. Происхождение праздника Покрова. „Приходское чтение“, 1911, № 19.

² М. Д. Приселков. Очерки. . . , стр. 135—140.

³ ПСРЛ, т. IX, стр. 209. — А. Н. Насонов. „Русская земля“ . . . , стр. 182 и примеч. 4.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Владимирские летописные своды. В кн.: История русской литературы, т. I, стр. 305—306.

⁵ Сказание о чудесах Владимирской иконы богородицы. Предисловие В. О. Ключевского. СПб., 1878.

⁶ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 3 и сл.; А. А. Богуславский. Ростовские жития. В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1, Л., 1945, стр. 65. Автор готовит особый очерк о владимирской церковно-литературной работе 60-х годов XII в.

⁷ Патерик, стр. 76.

их авторитет. Нужды нет, что все это было вымыслом, что в Ростове Мономах совсем не строил собора, а действительно построенный им Суздальский собор вовсе не следовал „мере“ желаемого Печерского „образца“. Вымыслом было полно церковно-литературное творчество владимирских витий и политиков XII века, аргументировавших свои реальные претензии созданием новых легенд к вящей славе своего княжества. В этой связи естественно было предать забвению простую и реальную картину постройки Мономахом по совету с епископом переславским Ефремом сравнительно небольшого собора в Суздале, который возможно и строили переславские мастера Ефрема без всякой „чудесной связи“ с печерской святыней. Поэтому рядом с реальным Ефремом переславским, исчезнувшим из повествования Симона, в его списке епископов появляется „Ефрем суздальский“, также никак не участвующий в переносе Мономахом на север печерской традиции.

Такова еще одна археологически обнаруженная „печерская легенда“, вpletенная Симоном в его „Слово о создании церкви Печерской“ и являющаяся едва ли не основным побудительным мотивом и к самому составлению „Слова“ и его идейной концовкой.

В этой связи становится вполне ясным, что и рассказ Симона о „чудесном“ приходе царградских зодчих, якобы строивших Печерский храм, является также „историко-архитектурной легендой“, созданной Симоном с теми же целями прославления Печерского монастыря как носителя ортодоксальной архитектурной традиции.¹ В действительности Русь конца XI века не нуждалась в новом призыве греков — развитие русского зодчества было целиком в руках русских мастеров.

И все же разобранная в этой заметке „печерская легенда“ не теряет своего большого исторического значения. Она в искаженной церковно-религиозной форме отражает реальную значимость киевского культурного наследия для формирования культуры Северо-восточной Руси. Данный частный случай проявления этой киевской традиции в распространении определенной архитектурной типологии также остается в силе, но с иной формулировкой. Сейчас, после новейших археологических исследований в Киеве, можно полагать, что действительным „образцом“ трехнефных, шестистолпных храмов конца XI—XII веков было основное шестистолпное ядро Десятинной церкви (Успения богородицы).² Ее размеры (15.75×24.50 м) довольно близки размерам Суздальского собора Мономаха (15.0×23.5 м), который, по данным поздних источников, также первоначально назывался Успенским.³

Стремление же епископа Симона как можно убедительнее и конкретнее обосновать свою легенду и показать связь Владимирского княжества и церкви с культовой и художественной традицией Печерского монастыря — очага национального, антигреческого течения в церковной политике — имело глубоко положительный смысл. Симон и Поликарп, „всегда подчеркивая в своем изложении общерусское значение Печерского монастыря и его деятелей... доводили до сознания широких масс одну из самых исторически прогрессивных идей литературы и предшествующего периода — идею единства Русской земли. И в этом их несомненная заслуга“.⁴

¹ Н. Н. Воронин. Зодчество Киевской Руси, стр. 150.

² М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. К., 1950, стр. 75.

³ Летописец XVIII в. Древняя российская вивлиофика, т. 19. М., 1791, стр. 366—367.

⁴ История русской литературы, т. I, стр. 346.